

Они уже знали огонь. Всю зиму, оставляя в снегу лунки с обледенелыми краями и чёрной внутренностью, по долине тлели костры, и пока одни ходили ломать хворост, другие, уже вернувшиеся, согрев над огнём неподатливые ладони, приплясывали на утопанном снегу, и лунными ночами их голубые тени носились по белому полю, неестественно сжимаясь на сугробах и бугорках... В безветренные ночи можно было лежать у костра и смотреть, как искры смешиваются с острыми холодными иглами чужих звёзд; можно было стеречь огонь в чуткой дрёме, когда малейшее ослабление тепла заставляет проснуться и подбросить хвороста, без страха увидеть только тонкую ниточку дыма над остывающими головнями.

Рогатая вершина горы, ночью заметная только как место на небе, где не видно звёзд, становилась сначала бледно-голубой, потом медно-красной и наконец в каменной раме, слепящей глаза блеском ледяных наростов, появлялся плотный шар света. День, когда из долины казалось, что он находится точно посередине, не касаясь краями льда, был первым днём весны.

Но ещё дымились костры, ещё перекликались ходоки в чащах, ещё должна была за многие ночи из края в край пересечь небо тускло мерцающая Ладья, вся в пробоинах с расходящимися лучами, истаять над вершинами леса огненно-красный глаз, следящий за жизнями и делами и стерегущий покой занесённой снегом земли.

И до тех пор горел костёр у пролома в скале, ярчайший из всех, и до тех пор стерегли узкий лаз под землю – пока в его недрах не лопался лёд на реке, на единственной дороге в нижний, запретный мир.

Дремал под снегом у подножия горы ржавый, обгорелый и искорёженный исполин. Старики говорили, что когда-то раньше он иногда по ночам озарялся неземным, таинственным светом, и все бежали на этот свет, стояли вокруг него, взявшись за руки, и в восторге и страхе ждали чего-то, но это было давно, никто из живущих этого не помнил.

И ничего не менялось с ходом звёзд, и такой же каждую весну заставляли долину те, другие, что тоже грелись где-то там, в тёмной вышине, далеко-далеко отсюда.

– И по тёмной воде плывут с огнём на плотках, из лета в лето, сквозь туман и мрак, искать край Земли, и никто ещё не вернулся с края Земли.

– Потому, что там хорошо?

– Там никогда не бывает снега, там не носят одежд, потому что всегда тепло, и не охотятся, потому что куда не протянешь руку – спелые, как полдень, плоды. А те, кто достигли этого места, разжигают огромный костёр, на который правят те, кто ещё плывёт. Он горит на плоту, в котором деревьев больше, чем во всех лесах нашей долины, за день проходит путь до другого берега и там гаснет. И тогда увидевшие его отплывают искать край земли. Мы видим это каждую ночь, это видели те, кто были до нас и увидят те, кто будет после.

– И там всем им хватает места?

– Да. Ведь никто ещё не пытался проделать обратный путь.

– Там был кто-нибудь из тех, кто живёт в долине?

– Это очень далеко. И оттуда, где нет зимы, не возвращаются туда, где всегда зима.

И огненный шар не коснулся краями ледяных рогов горы и, поднимаясь, прополз точно между ними, и изрытая лучистыми дырами Ладыя из ночи в ночь незаметно прошла всё небо, и затерялась где-то в верхушках деревьев скатившаяся к горизонту самая яркая, красная звезда, а снег всё лежал, и мело, и белые мошки без конца летели и летели на свет костров, и не было им числа, и садились на плечи, в бороды, на ресницы, и больше не таяли в волосах.

Люди взбирались на деревья и ломали верхние ветви, стволы стали почти голыми. Тепло звали, как и раньше, из века в век – музыкой. Крошили ледяные глыбы, камнями вытёсывали из них прозрачно звенящие пластины, в полых сосульках протепляли отверстия, дули в них, сыпали на землю мелкие льдинки, танцевали с ними, чтобы потом растопить их в пламени, а вместе с ними зиму.

В тёмной вышине плыли, плыли костры, посланные как знак о прибытии в край вечного тепла, а снега было по плечи, люди проделывали ходы в его плотной толще и каждую ночь зимы делали насечку на скале, и камень весь был испещрён метками.

Когда появился крепкий наст, не проминавшийся под тяжестью человека, они, растянувшись по долине то рвущейся, то вновь собирающейся цепочкой зашагали навстречу солнцу. Льдинки искрились и тихонько звенели в их бородах.

Они научились строить жилища изо льда и снега. Останавливались на годы и снова шли. И так в памяти сменяющихся поколений оставалось: нужно идти туда, откуда начинается день, где-то там – край земли, где всегда весна.

Они пили воду, растопленную в ладонях, или просто ели снег, питались сладковато-горькой корой и жёсткими корнями вымерзших трав, и снова шли, когда в лесах, попадавшихся на пути, уже нечего было сжечь.

Они взбирались на горы, и с вершин, насколько хватало глаз, открывалась слепящая белизна. Ветер заметал следы, на третьем шаге не было видно первого. И никто не мог сказать точно, сколько раз уже должна была наступить весна, сколько раз где-то там, далеко, те, кто были до них, покинули долину с рогатой горой.

Кто-то из них заметил:

– Мы идём так долго, а солнце не становится больше с каждым днём.

Стали говорить, что когда-то раньше оно казалось не больше лунки в снегу, остающейся от костра, а теперь оно так огромно – значит, его страна где-то рядом.

Когда вдали после нескольких лет равнин плотной стеной проступил сквозь снегопад лес, их было всего двое.

– Ещё долго? – спрашивала она.

– Нет. Мы почти пришли, – лгал он.

Увязали по пояс в снегу, но брели, как когда-то давным-давно, в незапамятные времена заповедали их предкам те, кто был перед ними.

Ветви деревьев, отяжелевшие ото льда, радужно искрились. Следы, ровной цепочкой пересекающие долину, наполнялись водой, сквозь которую шевелились примятые травинки.

Качая сухие стебли, по долине носился ветер. И по всей земле не было ни одной протоптанной тропинки, здесь не ходили люди.

– Вот этот край. Отсюда восходит солнце.

Над их головами носились светящиеся бабочки, ещё не знающие страха перед человеком, доверчиво садились на плечи, на подставленные ладони и трепетали прозрачными крылышками с искрящимися прожилками. Летели по ветру невесомые комья пуха, сотканые из сверкающей паутины, и прозрачные шарики, от дуновения вдруг распадающиеся на пылинки.

Они вплетали в волосы сорванные цветы и тяжёлые глянцевиные листья, все в горящих от солнца созвездиях мелких дырочек.

И такими высокими были травы, а они были так малы, что иногда стебли уходили к самому небу, заслоняя и его, и тёмный пролом в скале, ведущий в недра земли, и огромный замшелый камень, испещрённый уже почти стёртыми насечками, и рогатую гору с остро блестящим, подтаявшим, хрупким льдом.